

Анна Стреминская

«Нет одиночеству предела...»

* * *

Ураган появляется ниоткуда, внезапно, в ночь.
Ураган – это выдох Яхве, что полной грудью вдохнул.
Хорошо тем, кто спит в домах, – им бояться невмочь –
все в театрах своих сновидений, там радостный гул
иль азартные крики, иль стоны любви, иль смех...
Каждый сам себе зритель, герой, драматург и суфлер.
Ураган набирает силу – почти уже смерч!
Горе тем, кто в пути: честный труженик он или вор.
И деревья на землю падают как дрова,
провода разрывая, калеча, сминая, круша!
И беспомощно корни торчат, как отчаянные слова,
обращенные к Богу, когда погибает душа.
Все сравнялось сегодня: платан, человек, таракан,
подчиняясь могучей воле, пришедшей извне.
Только корни торчат, как символ бессмысленности корней,
И рассвет стекает лекарством на множество ран.

* * *

Нет одиночеству предела...

Р.М. Рильке

И этот виноград промокший,
и грязный снег – мне то и дело

так говорят – резцом по коже –
«Нет одиночеству предела!»

Глаза домов покрыты пылью,
пьет свою дозу алкоголик.
И перекресток мой постылый
с луной играет в «крестик – нолик».

Живет на свете божья дура,
любовь по крохам собирает.
Вставляет их в литературу,
но ветер крохи отнимает!

Кто виноват в ее сиротстве:
она сама? Господня ль кара?
Но не уступит первородства
за чечевичные навары.

И в шорохе листвы полночной
все слышится ей то и дело:
«Нет одиночества порочней,
нет одиночеству предела!»

* * *

Мы ждем перемен счастливых – мы сами себе верны,
но будущее приходит всегда с другой стороны!
И силимся разглядеть мы абрис, черты лица,
но будущее приходит всегда с другого конца!
Грядущее тут, за столиком ночного кафе сидит
и вам улыбается тихо и вот-вот заговорит.
И так беспощадно внезапен бывает реки поворот,
что в русло совсем другое вливается и течет!
И сносит дома, деревья и все на своем пути.
но нужно лишь только видеть, лишь только уметь найти!
Развешаны всюду знаки – то знаки верных дорог.
и главный дорожник взирает, которому имя – Бог.

* * *

А у меня тут май
и запахов кавардак.
И сад превратился в рай,
лучами пронзен чердак!

Да пыль на моем старье
цветет позолотой лет.
Как в прошлое юркий курьер
лежит бубновый валет.

А там холодная ночь,
и пульса времени нет.
Стремясь, пролетают прочь
тела огромных комет!

А здесь и касанья рук,
и губ ночной аромат...
Бич ревности свистнет вдруг,
и мысли в ночи не спят!

Потоком идут стихи,
как ливень или река.
И мучают нас грехи,
но жизнь все равно сладка!

А там – сферический хор
да танцы холодных планет.
И пьющий пустыню взор
пятьсот триллионов лет.

А здесь – светотени пир
и детские «почему».
Живет и сверкает мир,
и нет покоя уму!

Но как мне все описать:
и времени жернова,
и те зеркала, что всласть
вмещают всю жизнь едва!

* * *

Тишины хочу, тишины.
Нервы, что ли, обожжены?
А. Вознесенский

Реки наши впадают в вечность,
потому не боюсь опоздать.
И проносится слов беспечность,
а на мне – молчанья печать.

И проносится слов гроза
с шелухой, базарным сором.
Все томительней голоса,
утомительней разговоры!

Гулко катят пустые бочки,
разрывая плоть тишины.
Повторю за поэтом точно:
«Нервы, что ли, обожжены?»

Но с тобою мы на небесном
говорим, на птичьем, на снежном.
И на солнечном, на цветочном,
на речном, на морском, безбрежном!

Что с того, что скайп барахлит?
Мы друг друга душами слышим!
Жди меня на Млечном Пути
иль хотя бы ночью, на крыше!

Амстердам

Вот идут гулять – господин Ван Рейн
да с ним приятель – Ван Гог.
А каналы в тумане уже много дней,
и висит над городом смог.

Так привычно лодки скользят взад-вперед
челноками по ткани воды.
И проносится велосипедный народ
в двух шагах от воды и беды.

– Посмотрите, Ван Рейн, как собор засверкал –
луч случайный его золотит.
Этих туч неподвижный и серый оскал
углубляет лишь колорит!

– Посмотрите, Ван Гог, со старинных картин
наш музей, как сошедший, стоит.
Этой осени охра, сиена, кармин
придают ему царственный вид!

Гей-парад перед ними проходит лихой,
в платье томный мужчина идет...
А в известном квартале туристы – рекой!
Переходят приятели вброд.

И, косяк закурив, Ван Гог складно врет,
говорит: «Ван Рейн, без обид –
то ли Саския там, то ли Стин де Гроот
неподвижно в витрине стоит!»

Сладковатым дымком затянулись мозги,
и не слышно, не видно ни зги.
И не знают уже – кто Ван Рейн, кто Ван Гог!
Да клубится над городом смог...

* * *

Праздник беспечный и яркий на желтой арене:
много воды и небес, и кораблик далекий,
много мячей разноцветных, и криков, и смеха.
И шелестят себе что-то седые маслины.
Замки стоят из песка, окруженные рвами.
Пеннорожденные плавно выходят Киприды –
их поджидают пляжные Аполлоны.
Голые дети Амурами шумно резвятся
и поедают мороженое в обертках.
А ощущение покоя безмерно под солнцем.

Ветер прохладной рукою перевернет страницу –
кончится праздник, толпа мишурная исчезнет,
листья рябые покроют песок сиротливый.

После еще раз перевернет страницу –
море застынет, в броню ледяную одето.
Пляжники будут гулять аж до волнореза
и восхищаться красой неподвижного моря.
Берег пустынен почти, и ракушки со снегом
перемешались. Везде воцарилось Молчанье.
Только лежит на скамейке забытая книга –
ветер листает страницы – одну за другою.
Но до последней никак он не доберется,
ибо число их простое – сама бесконечность.

